

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

«Три года», пов. Чехова; «Ходокъ», ром. Боборыкина; «Безъ лица», очеркъ Короленко; «Въ гостиницѣ и людской» разск. З. Гиппиусъ.
(Рус. М., Рус. Бол., февраль 96 г., В. Е. Маргъ, 95 г.)

Повѣсть г. Чехова «Три года» закончена, но недоумѣние, вызываемое ея неопредѣленнымъ заглавіемъ и главной мыслью разсказа, остается неразрѣшеннымъ. Что хотѣлъ изобразить г. Чеховъ? Какова идея его повѣсти? Изъ какой среды взяты его дѣйствующія лица, что типичнаго въ ихъ духовномъ и моральномъ складѣ—все это остается загадкой для читателя. Повѣсть представляетъ изъ себя какой-то винегретъ дѣйствующихъ лицъ, какую-то «смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній»... Здѣсь есть и ученые, и адвокаты, и купцы, и студенты, мужчины и женщины—и все это скучено въ повѣсти безъ всякаго опредѣленнаго плана, безъ всякой надобности. Центральная фигура повѣсти—конецъ Лаптевъ, и все дѣйствіе сосредоточивается въ его квартирѣ, въ его семьѣ. Люди собираются, говорятъ, спорятъ, ссорятся, снова сходятся и снова спорятъ. У нихъ нѣтъ никакой опредѣленной темы для бесѣды: нынче объ одномъ, завтра объ другомъ, а въ сущности ни о чемъ. Самъ Лаптевъ и его жена Юлія—несчастливые люди, психически ненормальные. Оба всю жизнь свою мучатся, и мучения эти создаются ими самими. Ихъ обоихъ терзаетъ двойственность ихъ натуры, ихъ жизни. Они отлично сознаютъ, что *надо* дѣлать, какъ *слѣдуетъ* поступать, и дѣлаютъ и поступаютъ какъ-разъ наоборотъ, во всемъ обвиняя условия и обстоятельства, сдѣлавшіе ихъ такими несчастными, лишившіе ихъ воли и характера. Презирая пассивную профессию—торговлю примитивнымъ способомъ—и въ глубинѣ души возмущаясь безсовѣстной эксплуатацией людей въ торговомъ предпріятіи своего отца и все совѣсь чистыми торговыми оборотами, Лаптевъ, однако, не можетъ отказаться отъ пользования накопленными нечестнымъ путемъ богатствами и поддерживать свое существование самостоятельно. Въ оправданіе себя онъ нападаетъ на свою деспотическую семью, на происхождение. «Да не принадлежи я къ вашему

именитому роду, будь у меня хотя на грошъ воли и смѣлости—я давно-бы швырнулъ отъ себя эти доходы и пошелъ-бы зарабатывать себя хлѣбъ. Но вы въ своемъ амбирѣ съ дѣтства обезличили меня, и я теперь въ вашей власти». Въ разговорѣ съ братомъ онъ обрушивается на свой «драный» родъ, виня его въ своемъ ничтожествѣ, въ отсутствіи воли. «Что намъ съ тобой дашъ этотъ твой именитый родъ? Посмотри на меня. Какъ мозляоскъ, какъ мозглякъ какой-то, пугливости, ни смѣлости, ни сильной воли; я боюсь за каждый свой шагъ, точно меня выпорютъ, я робѣю передъ ничтожествами, идиотами и скотами, стоящими неизмѣримо ниже меня умственно и нравственно. Я боюсь дворниковъ, швейцаровъ, полныхъ дамъ, а за-границей хожу, какъ виноватый. Я родился отъ затравленной матери, съ дѣтства я забитъ и зануганъ. Мы съ тобой хорошо сдѣлаемъ, если не будемъ имѣть дѣтей. Нами долженъ копиться этотъ родъ, иначе—и я въ томъ глубоко убѣжденъ,—въ слѣдующихъ поколѣніяхъ мы дадимъ только трусовъ, преступниковъ и сумасшедшихъ». Да едва-ли и самъ Лаптевъ—человѣкъ нормальный; очевидно, его нервная система, съ дѣтства потрясенная жизненной обстановкой, еще болѣе развивается въ виду отсутствія опредѣленной цѣли въ жизни, живого дѣла, и такой ненормальный досугъ, дающій полный просторъ пессимистическимъ сѣтованіямъ о своемъ ничтожествѣ и ненужности въ жизни, грозитъ привести его къ полному психическому разстройству. Впрочемъ у такихъ неглубокихъ и впечатлительныхъ людей какъ Лаптевъ, есть счастливый исходъ изъ рокового положенія: это—ихъ способность отдаваться захватывающему увлеченію и способность забывать впечатлѣнія, прививавшіеся къ новымъ. Послѣ женитьбы Лаптева, жизнь его, повидимому, наполнилась; онъ былъ влюбленъ въ жену, терзался ея холодностью къ себѣ, ревновалъ ее; казалось, жизнь была полна; но мало-по-малу онъ охладѣлъ къ ней и опять начался пессимистическій философствованіе на тему о «драномъ» родѣ; для развлеченія онъ ѣдетъ за-границу и настолько увлекается ей, что по возвращеніи домой—снова мечтаетъ о побѣдѣ туда же и вновь примиренъ съ жизнью. Его жена—такая же невзрачная до рожденія ребенка,—послѣ этого становится вновь нормальной женщиной, женой и матерью; только ихъ взаимныя роли нѣсколько мѣняются, сначала онъ ее любитъ, а она почти нена-

видеть его, а подъ конецъ сына объясня-
лась ему въ любви, а у него было такое
чувство, какъ будто они были женою на
всю жизнь, и хотѣлось ему завтра-
кать». Въ противоположность нѣз, положи-
тельный типъ въ повѣсти долженъ пред-
ставлять изъ себя Ярцева, записку химик
и преподаватель естеств. наукъ. Главнымъ
правиломъ у Ярцева было: стараться быть
выше своихъ вистинковъ и жить сознатель-
но. Напримѣръ, онъ вѣрилъ въ то, что
русскія суровыя климаты располагаютъ къ
леченью на почки и къ небрежности въ
туалетѣ, и потому никогда не позволялъ себѣ
ложиться днемъ, рано вставалъ, не носилъ
калѣки и туфлей, и каждый день ѣлъ
сорокку». Но дальше опрятности и физи-
ческаго бодрствованья положительность его
не шла. Бравое жизнелюбный, боишься
смерти, просящая любовь—онъ схо-
дится съ женщиной, которую не любитъ,
говоря, что можно и безъ любви прожить,
и въ то-же время чувствуетъ какую-то не-
удовлетворенность.

Таковы главные герои повѣсти, осталь-
ные выведены только для обстановки и еще
нѣкоторые отъѣзды.

Изъ общаго повѣсть представляетъ изъ
себя одно изъ самыхъ неудачныхъ произ-
веденій г. Чехова, въ ней нѣтъ ни идей-
ности, ни художественности, ни реальности,
предъ дѣйствующими лишь нѣтъ на одного
жизненного тона, на одного живого чело-
вѣка съ настоящими человѣческими интере-
сами, потребностями. Все дышетъ искус-
ственностью, дѣланностью, а люди вь обста-
новкѣ.

Неравненно больше жизненности, даже
жизнелюбности въ герояхъ ром. «Холодокъ»,
графъ Танаиловъ. Претерпѣвши лихвойный
афронтъ въ интеръ, графъ, во приездѣ въ
деревню, терпитъ афронтъ и въ «дѣлѣ».
Мужики недоумѣли его велѣнью дѣла и,
подозвавъ своихъ стариковъ, отказыва-
ются отъ дѣлаиныхъ услугъ графа. Онъ
и самъ сознаетъ свое иириальное отно-
шеніе къ крестьянамъ, которые видятъ въ
немъ лишь филантропическаго отъ без-
дѣла барина и отишкятся къ нему съ не-
доумѣнью. Онъ сознаетъ, что нужно пере-
мѣнить подобныя отношенія и для того,
чтобы служить народу, нужно прежде сой-
тись ближе съ нимъ, войти въ его нужды,
заирѣчь, потребности, заслужить довѣріе и
тогда уже дѣлать съ нимъ и для него. Не
идетъ графу и въ отношеніяхъ съ сосѣ-
дами. Противъ него антипатію богатыи
созидаетъ кулакъ, а холѣишки изъ ку-

100/